

* * *

Как роскошь, причал и дом.
Мечта: у костра погреться.
Скитаются за бортом
И дух мой, и бездна сердца.

Я в вихре морских атак
Держу на крючке свободу.
Уйдёт. Я не просто так
Любить разучилась воду.

И берег уже не брат,
И за морем небо в тучах.
На мокром песке мой сад —
Обломки кустов колючих.

Пока не унёс прибой,
Я море держу за гриву.
Не кончится этот бой,
Никто не подаст оливу.

Перед Байкалом

Мой персонаж взрастил в блокноте месть,
Но лирика слаба для этой роли.
Так хочется и думать, и прочесть,
Что не боюсь ни холода, ни боли.

Сплошной обман, что с чистого листа
Другую быль напишешь виновато.
Настало время возраста Христа,
Но на пути ни друга, ни Пилата.

Есть озеро священное одно,
Где можно по-цветаевски распастся,

Недолго плыть, но долго видеть дно,
Легко дышать, но не легко спастся.

Из глубины достигнутых высот
Плевком своё разбавить отраженье.
И только если стоишь бездны вод,
Она возьмет без якоря на шее.

Так хочется порой, чтоб не нашли,
Познать круговорот и выпасть снегом.
Но бездна спит для тех, кто на мели
И от себя спастись пытался бегом.

* * *

Утонула в лампадах арена.
Каждой песни известна тщета,
Но склоню пред маэстро колено,
И уважу улыбкой шута.

Что за праздник сегодня — не знаю,
Но в числе приглашенных давно.
И готовился долго к свиданью
Арлекин, покоровший окно.

Пролетел он столетья и версты
И вернулся на прежнюю ось.
Опадают бумажные звезды.
Загадала желанье. Сбылось.

И пришло моё время умчаться,
Не гая равнодушных лампад.
Он вращался и будет вращаться,
Повторя слова невпопад.

* * *

Треплет куст на столбе афишу.
Вижу кружев твоих узор,
И сияние рампы вижу,
И затмивший сиянье взор.

До полуночи стань мне ближе
От того, что здесь Древний Рим,
И спустилась Венера ниже
Белым шлейфом к рукам моим.

Стань родной потому, что слышу
Спетый нежно тобой апрель:
Первый дождь, леденящий крышу,
И воскресшую птичью трель.

Снова странное вспомню детство
И над книгами тихий плач,
Где Французское королевство
И на Гревской стоит палач.

Стань родной потому, что знаю,
Как сжигали таких, как мы,
Поклонявшихся тьме и маю,
Рвущих травы среди зимы.

Стань родной мне за то, что в хоре
Слов и звуков мой слух остёр.
Стань мне ближе затем, что в горе
Слёз никто мне рукой не стёр.

Память

Успокоился дом, утопая в снегу,
Зверь ушёл из-под кожи, и где-то на воле.
Я хочу, чтоб служил он не мне, а врагу,
Только память, как крыса, скребется в подполье.

Посредине зимы моё прошлое — гром.
И вперед не ходи — все равно не успеешь.
Ведь недаром же в сказках, воюя со злом,
Говорят, что оглянешься — окаменеешь.

Память бьётся за право спастись на века
И стоит на пороге с глазами безумца.
Мне бы сжать свою волю в ядро кулака
И попасть в переносицу — не промахнуться.

Говорят, чтобы крысы ушли с корабля,
Нужно скучным актером подыгрывать буре.
Но закончился шторм, и мы снова друзья —
Я останусь в звериной растрёпанной шкуре.

Моё прошлое — гром, даже долгой зимой.
По ночам из зеркал выбегает подросток,
Чтоб латать свои раны цыганской иглой
И вычесывать ярости грубый подшёрсток.

Мечь

Простить может только каменный,
Не знавший удара в спину,
А я по старинке раненый,
И жив лишь наполовину.

И сдвинуть плиту предательства
Живому не хватит силы.

Умру, и без замешательства
Я выберусь из могилы.

Чумой, чтоб заставить мучиться,
И Вием с отвисшим веком.
Вернусь назад, кем получится,
Но только не человеком.

* * *

Под небом опять потоп,
На землю смотрю сквозь воду:
Здесь нет и не будет троп
В обещанную свободу.

Прикрылась дождем луна,
А прежде была полезной.
Одна лишь стезя видна:
Горящий канат над бездной.

Мой древний воскрес каприз:
Идти меж землей и небом,
И если не гляну вниз,
Встречай меня солью-хлебом.

Качают ветра канат,
А пройдено слишком мало.
Глядит исподлобья ад,
Я знаю его — бывала.

Вглядевшись в его глаза,
Я стану еще капризней.
Не смоет водой гроза
Всей памяти прошлых жизней.

Не надо светил и дня
Тому, кто в ночи крадется.
Как лист, пусть дрожит земля,
И дерево мира гнется.

* * *

Душа нараспашку, почти не одета,
На слух подбирала все песни планет.
Наверно, мы слушали станцию «Лето»,
И пел апельсином сибирский рассвет.

Но время ключи сдать зрителю к срокам,
Захлопнуть, как книгу, прочитанный дом.
И чтобы не выдать овцу ненароком,
Душа в волчьей шкуре стоит пред врагом.

Я петь не умею — нет сердца и слуха,
Но прежним потехам минуты нашлись:
Как старый приемник, настраивать ухо
И слышать помехи на станции «Жизнь».

Пугало

Звезда над севером светит аполитично,
Не вложит в руки серебряный блеск ножа.
Все перекрестки исхожены на отлично,
Но у ворот не меняются сторожа.

В крови, свободной от всякого алкоголя,
Прямая ясность, но выдохся кислород.
И мне осталось лишь встать посредине поля,
Пред мудрой птицей скривив недовольно рот.

Прикосновенья когтей городских окраин
И привкус неба: металла и гари смесь.
Ты ядовитым любишь урожай,
А строгий ветер случайную сдует спесь.

Война без танков — и сердце как в танке глухо.
Рассвет к ногам моим выкатил колесо.
И четвертует, и поджигает солому духа,
А ворон клюнет мне тряпочное лицо.

Кукловод

Диктатура кровавой и смуглой луны
Кукловодом владеет, как жертвами жало.
Его куклам не снятся спокойные сны,
Небеса изменились от дымки пожара.

Только нити не вечны, все падает ниц,
Улыбается слабость на тонком фарфоре.
Для того он лепил одинаковость лиц,
Чтобы проще собрать, если сбудется горе.

Но пока у огня ещё есть хоровод,
Он с лихвой задает непосильные ритмы.
Чтобы нить прервалась, и ушел кукловод,
Здесь хватило бы даже и маленькой бритвы.

Но безмолвствует мир, будто в дни нулевых.
Куклам в этой игре пистолет не положен.
Защищаться и править — удел волевых.
От живых к неживым путь случился, он ложен.

Иду к ветрам

Все тот же город лиц, как прежде, постных,
Какой бы здесь ни вился в небе флаг.
А там, в полях, как в детстве в девяностых,
Есть стая неприрученных собак.

Им хорошо, свободным от отчизны,
По-человечьи не умеют вить,
Они спасать не обещали жизни
И никому не обещали жить.

И кровных уз, а, может быть, кровавых
Не знают, и никто их не предаст.
А я хочу по-детски ползать в травах,
Но руки обжигает снежный наст.

Из прошлого ещё глядит сквозь годы
Со старой школьной парты голубой
Заоблачная статуя Свободы,
Начерченная маленькой рукой.

Но растопил её неровный факел
Мечты американской воск свечи.

Я повзрослел. По счастью я не запил,
Но чахну, как Емеля, на печи.

Лишь по ночам для чувства мнимой воли
Иду к ветрам, чтоб воск сумел застыть.
Что с той мечтой мне делать в русском поле,
Не давшем ни увидеть смерть, ни жить?

Я умирал, как в ту свободу вера.
Не я за жизнь, а жизнь в меня клещом
Вцепилась мертвой хваткой бультерьера,
Но мне не стала дружеским плечом.

Людских голос я слушаю жестокость,
И только в маске выйду на крыльцо,
Скрывая то любовь, то одинокость,
А может, просто постное лицо.

Придет весна, текут другие воды,
А под луной все тот же будет лай,
Как лёгкий вой непонятой свободы,
И прозвучит команда: «Выбирай».

* * *

Зима не время года — время века.
Пустыня запорошенных идей.
Пусть сердце обросло бронёй из меха,
Но в ней душа продрогла до костей.

История для лесты и декора
Продолжит свой стремительный отсчёт,
И, овладев искусством живодёра,
Из шкуры сердца чучело сошьёт.